Хижина дяди Тома

Автор:
Гарриет Бичер-Стоу

Хижина дяди Тома

Гарриет Бичер-Стоу

«Хижина дяди Тома» – самый известный остросоциальный роман Гарриет Бичер-Стоу, направленный против рабовладения в Америке. Роман оказал значительное влияние на отношение мировой общественности к позорному явлению американского общества – рабству. По одной из версий считается, что роман обострил один из конфликтов на почве рабства, что привело в результате к Гражданской войне в США и отмене рабства.

Гарриет Бичер-Стоу

Хижина дяди Тома

Глава I

В которой читатель знакомится с гуманным человеком

В один холодный февральский день, два джентльмена сидели за вином в хорошо меблированной столовой в городе Б… в Кентукки. Прислуги в комнате не было, и джентльмены, близко сдвинув свои кресла, по-видимому, обсуждали какой-то важный вопрос.

Мы для краткости сказали: два джентльмена. Но один из собеседников при ближайшем рассмотрении не подходил под это определение. Это был плотный человек небольшого роста, с грубыми пошлыми чертами лица и с самонадеянным видом простолюдина, который старается подняться выше своего положения. Он был одет франтом: яркий пестрый жилет и голубой галстук с желтыми крапинками, завязанный пышным бантом, были вполне под стать его общей физиономии. Пальцы его толстые и грубые были унизаны кольцами; на груди его красовалась тяжелая золотая цепочка часов с массою огромных разноцветных брелоков, которыми он в пылу разговора имел обыкновение побрякивать с видимым удовольствием. Речь его шла в совершенный разрез с грамматикой и уснащалась такими крепкими словцами, что мы, не смотря на всё наше желание быть точными, отказываемся передавать ее буквально.

Его собеседник, мистер Шельби, имел вид джентльмена. Убранство комнат и вся обстановка говорили о достатке и даже о богатстве. Как мы сказали выше, они вели между собой серьезный разговор.

– Вот я так бы и хотел покончить дело, – сказал мистер Шельби.

– Этак мне невозможно торговать, положительно невозможно, мистер Шельби, – ответил другой, рассматривая на свет рюмку с вином.

– Но, видите ли, Гэлей, Том не простой работник; он везде стоил бы этих денег, он трудолюбивый, честный, способный, он превосходно справляется со всей моей фермой.

– Вы хотите сказать: честен, насколько может быть честен негр, – сказал Гэлей, наливая себе рюмку водки.

– Нет, он на самом деле трудолюбивый, разумный и благочестивый работник. Он научился христианской религии на одном митинге под открытым небом и, кажется, сделался настоящим христианином. С тех пор я оставлял на его руках всё свое имущество: деньги, дом, лошадей; я позволял ему свободно разъезжать повсюду; и он всегда и во всём оказывался верным и честным.

– Некоторые не верят, что негры могут быть набожны, Шельби, – сказал Гэлей, размахивая рукой, – но я верю. У меня самого был один такой субъект в прошлом году, в последней партии, которую я свез в Орлеан; послушать, бывало, как он

молится, так всё равно, что на митинге побывать, и кроткий, тихий такой, что чудо. Я на нём славно заработал; купил я его дешево у одного человека, который по нужде продавал, а получил за него шестьсот долларов. Да, набожность в негре статья ценная, если только она настоящая, неподдельная.

– Ну, у Тома она несомненно самая настоящая, – возразил Шельби. – Вот недавно я послал его одного в Цинциннати по своему делу и поручил ему привезти мне пятьсот долларов. Я ему сказал: «Смотри, Том, я тебе доверяю, потому что считаю тебя христианином. Я знаю, что ты меня не обманешь». И Том, конечно, вернулся, как я и ожидал. Я слышал, что некоторые негодяи говорили ему: «Том, отчего ты не сбежишь в Канаду?» «Нет, – говорит он, – я не могу, мой хозяин доверяет мне». Мне это уже после рассказывали. Должен признаться, мне очень тяжелю расстаться с Томом. По-настоящему вам бы следовало взять его для покрытия всего долга; и вы бы это сделали, Гэлей, если бы у вас была совесть.

– Ну, у меня ровно столько совести, сколько может позволить себе деловой человек; так, знаете, малая толика, чтобы было чем поклясться при случае, – шутливо ответил торговец, – при том же я всегда готов сделать всё возможное, чтобы услужить приятелю; но в нынешнем году нам пришлось туго, очень уж туго. – Он задумчиво вздохнул и налил себе еще водки.

– Так как же, Гэлей, на чём мы поладим? – спросил мистер Шельби после минутного неловкого молчания.

– Нет ли у вас мальчика или девчонки, которых вы могли бы дать в придачу?

– Гм! лишнего, кажется, нет никого. По правде говоря, одна только крайность заставляет меня продавать. Я терпеть не могу отдавать своих людей.

В эту минуту дверь отворилась, и в комнату вошел маленький мальчик-квартерон, лет четырех-пяти, замечательно красивый и привлекательный. Черные волосы, мягкие и блестящие, как шелк, обрамляли густыми локонами его пухлое, круглое личико; большие черные глаза его, полные огня и нежности, выглядывали из-под густых длинных ресниц, с любопытством озираясь в комнате. Яркое платьице из клетчатой материи красной с желтым, красиво и ловко сшитое, выгодно оттеняло смуглый цвет его кожи. Забавная самоуверенность его, смягчаемая застенчивостью, показывала, что он привык к вниманию и баловству хозяина.

– Эй, Джим Кроу! – вскричал мистер Шельби, присвистнув, и бросил ребенку кисть винограда, – лови, хватай!

Мальчик подскакнул за лакомством, а хозяин его смеялся.

– Подойди ко мне, Джим Кроу! – сказал он.

Мальчик подошел, хозяин погладил его по кудрявой головке и пощекотал под подбородком.

– Ну-ка, Джим, покажи этому джентльмену, как ты умеешь плясать и петь.

Мальчик затянул своим звонким чистым голоском одну из тех странных диких песен, которые обыкновенно поют негры, и сопровождал свое пение типичными движениями рук, ног и всего тела в такт музыке.

– Браво! – вскричал Гэлей и бросил ему четвертинку апельсина.

– А теперь, Джим, покажи, как ходит старый дядя Куджо, когда у него ревматизм! – приказал хозяин.

В один миг гибкие члены ребенка искривились и скорчились, он сгорбился и, опираясь на палку своего господина, стал ковылять по комнате, скорчив свое детское личико в грустную гримасу и, отплевываясь направо и налево, как старик.

Оба мужчины громко хохотали.

– А теперь, Джим, – сказал его господин, – покажи нам, как старый Эльдер Робинс поет псалмы!

Мальчуган вдруг вытянул свое пухленькое личико и с невозмутимою серьезностью затянул в нос мелодию одного псалма.

– Ура! Браво! Ай да, молодец! – вскричал Гэлей. – Да этот мальчишка прямо сокровище, честное слово. Знаете, что я вам скажу? – он хлопнул по плечу мистера Шельби – прикиньте мне этого мальчишку и мы будем квиты. Право

слово! Скажите после этого, что я не по чести делаю дело!

В эту минуту дверь приотворилась и молодая женщина-квартеронка, лет двадцати пяти, вошла в комнату.

Довольно было взглянуть на ребенка и на нее, чтобы убедиться, что она его мать.

Те же чудные, черные глаза с длинными ресницами, те же кудри шелковистых, черных волос. На её смуглых щеках играл румянец, который сгустился, когда она заметила устремленный на нее взгляд незнакомца, выражавший дерзкое, нескрываемое восхищение. Платье её было очень хорошо сшито и вполне обрисовывало её стройную фигурку. Изящная ручка и стройная ножка не ускользнули от зорких глаз торговца, привыкшего с первого взгляда подмечать все статьи красивого женского товара.

– Что тебе Элиза? – спросил её господин, когда она остановилась и нерешительно посмотрела на него.

– Извините, сэр, я искала Гарри. – Мальчик подбежал к ней и показал ей полученные лакомства, которые он собрал в юбочку своего платьица.

– Возьми его, – сказал мистер Шельби, и она быстро вышла, унося ребенка на руках.

– Чёрт возьми! – вскричал торговец с восхищением. – Вот так штучка! Вы можете составить себе состояние на этой девчонке в Орлеане. На моих глазах там платили тысячи за баб, которые были нисколько не красивее этой.

– Я не хочу наживаться на ней, – сухо заметил мистер Шельби. Чтобы переменить разговор, он откупорил новую бутылку вина и спросил своего собеседника, как он его находит?

– Превосходно, сэр! первый сорт! – отвечал торговец; затем повернулся и, фамильярно потрепав по плечу мистера Шельби, он прибавил, – Ну, так как же насчет девчонки-то? сколько мне вам за нее дать? сколько вы хотите?

– Мистер Гэлей, я ее не продаю, – сказал Шельби, – жена не расстанется с ней, даже если бы вы оценили ее на вес золота.

– Да, да, женщины всегда так говорят потому, что они совсем не понимают счета. А покажите им сколько часов, перьев и всяких безделушек можно купить, продав кого-нибудь на вес золота, – они другое запоют, ручаюсь вам.

– Повторяю вам, Гэлей, об этом не стоит и говорить. Я сказал: нет, и не переменю своего слова, – решительным тоном проговорил Шельби.

– Ну, так отдадите мне хоть мальчика, – сказал торговец, – вы должны сознаться, что я плачу вам за него кругленькую сумму.

– Да, скажите, пожалуйста, для чего вам такой малыш? – спросил Шельби.

– У меня есть приятель, который промышляет по этой части: он скупает хорошеньких мальчиков и воспитывает их на продажу. Они нынче в большой моде, их берут в лакеи и т. под., богатые господа платят за них хорошие деньги. Это считается настоящим шиком и украшением дома, когда мальчик отворяет дверь, прислуживает за столом, подает. За них можно получить большие деньги; а этот чертенок еще такой забавный, и петь умеет, он самая подходящая статья.

– Мне бы не хотелось продавать его, задумчиво проговорил мистер Шельби. – Дело в том, сэр, что я человек гуманный, мне противно отнимать ребенка у матери, сэр.

– О, в самом деле? Да, конечно, это до некоторой степени естественно. Я отлично понимаю. С женщинами иногда ужасно неприятно иметь дело. Я сам терпеть не могу, когда они начинают выть да визжать. Это ужасно неприятно; но я так стараюсь вести дело, чтобы избежать этого, сэр. К примеру сказать, нельзя ли вам услать девчонку куда-нибудь на день или на неделю. Мы без неё спокойно обделаем дельце, а когда она вернется, всё будет уже готово. Ваша жена подарит ей сережки, или новое платье, или какую-нибудь безделушку, и она утешится.

– Боюсь, что нет.

– Господь с вами, да, конечно, утешится! Знаете ведь черные совсем не то, что белые; они могут гораздо больше перенести, надобно только умненько взяться за дело. Говорят, – продолжал Гэлей, принимая простодушный и доверчивый вид, – что торговля неграми ожесточает; но я этого никогда не чествовал. Я положительно не могу делать так, как делают некоторые. Вырвет ребенка прямо из рук матери, да тут же и выставит его на продажу а она-то воет всё время, как сумасшедшая; это плохой расчет, – порча товара, – другая женщина после этого становится совсем ни к чему не способной. Я знал одну очень красивую женщину в Орлеане, которую прямо загубили таким обращением. Человек, который покупал ее, не хотел взять ребенка; она была страшно горячая, как вспылит, просто себя не помнит. Она как стиснет ребенка в руках, как закричит, завопит, прямо страшно было глядеть. У меня до сих пор кровь стынет в жилах, как я только вспомню, а когда ребенка унесли, и ее заперли, она до того бесновалась, что через неделю умерла. Чистый убыток в тысячу долларов, сэр, и только от неумелого обращения. Самое лучшее вести дело гуманно, сэр, я это по опыту говорю.

Торговец откинулся в кресло и сложил руки с видом добродетельной решительности; он, очевидно, считал себя вторым Вильберфорсом.

Предмет разговора, очевидно, глубоко интересовал его. Мистер Шельби задумчиво чистил апельсин, а Гэлей, после минутного молчания, снова начал с подобающею скромностью, и с таким видом, как будто говорит нехотя, только в защиту истины.

– Конечно, никому не годится хвалить самого себя, а только поневоле скажешь, раз это правда. По-моему я поставляю самых лучших негров из всех имеющихся в продаже, по крайней мере, мне это говорили, говорили не раз, а сотни раз; все они хорошего вида толстые, веселые и умирает у меня меньше, чем у других. Я приписываю это, сэр, своему уменью обращаться с ними, сэр, а мое главное правило, сэр, – это гуманность.

– В самом деле! – проговорил мистер Шельби, не зная, что сказать.

– Многие смеялись надо мною, сэр, за мои убеждения, сэр, и осуждали меня. Они не популярны и не всякий понимает их; но я держусь за них, сэр; я всегда держался их сэр, и они принесли мне порядочный барыш; да, сэр, могу сказать, они окупились, – и торговец засмеялся собственной остроте.

Это понимание гуманности было так своеобразно, что мистер Шельби в свою очередь не мог не рассмеяться. Быть может и вы смеетесь, милые читатели; но вы не можете не знать, что в наше время гуманность проявляется в тысячи самых разнообразных форм, и нельзя предвидеть всех тех странных вещей, какие гуманные люди могут поговорить и наделать.

Смех мистера Шельби бодрил торговца, и он продолжал:

– Странное дело, но мне никогда не удавалось вбить это в головы другим. В прежние годы, когда я жил в Натчезе, у меня был компаньон. Том Локер, умный малый, но с неграми сущий чёрт и, понимаете, из принципа, потому что сердце у него было предоброе. Это была его система, сэр. Я часто говорил Тому: «Слушай, Том, – говорю я, – когда твои девчонки плачут для чего колотишь ты их и бьешь по голове? Это смешно и совершенно бесполезно, – говорю я. – Пусть их себе поплачут, от этого им никакого вреда не будет. Это уж их такая природа, а природа всегда найдет себе выход не в ту, так в другую сторону. И потом, – говорю я, – это портит девчонок, Том. Они худеют, лица делаются унылыми, иногда они дурнеют, особенно желтые, и тогда самому чёрту с ними ничего не поделать. Отчего ты не можешь, – говорю я, – приласкать их, поговорить с ними помягче? Поверь мне, Том, – говорю я, – гуманностью ты больше сделаешь, чем криком да колотушками, и барыша она больше приносит, уж поверь мне». Но Том никак не мог отстать от своих привычек и попортил мне столько товару, что я должен был разойтись с ним, хотя он был славный парень и дело знал отлично.

– А вы находите, что ваша система выгоднее, чем система Тома? – спросил мистер Шельби.

– Конечно, нахожу, сэр. Видите ли, я всегда, когда можно, стараюсь смягчить неприятные стороны дела, – вроде продажи детей и тому подобное. – В таких случаях я удаляю матерей, знаете: с глаз долой из сердца вон; когда всё дело кончена переменить ничего нельзя, опии понятно, привыкают. Ведь негры не то, что белые, которым с детства внушают, что они не должны разлучаться с женами и детьми и всё такое. Негр, если он воспитан, как надо быть не думает ни о чём подобном. Оттого ему и легче перенести разлуку.

– Боюсь, что мои негры не воспитаны, как надо быть, – заметил мистер Шельби.

– Пожалуй, что это так. Вы тут, в Кентукки, балуете своих негров. Вы думаете, что делаете им добро, а выходит это вовсе не добро. Какое же это добро внушать негру разные понятия да надежды когда ему придется мыкаться по белу свету? Сегодня его купил Том, завтра Дик или Бог знает кто! Чем его лучше воспитали, тем тяжелее ему будет жить. Смею думать, что ваши негры совсем падут духом там, где негры с других плантаций будут петь и плясать, как сумасшедшие. Вы сами знаете, мистер Шельби, каждый человек понятно, считаете что он поступает, как следует; и я думаю, что я обращаюсь с неграми именно так, как они того стоят.

– Счастлив тот, кто доволен собой, – сказал мистер Шельби, слегка пожимая плечами, с едва заметным чувством отвращения.

Они несколько минут молча чистили орехи.

– Ну-с, – спросил Галей, – как же вы порешили?

– Я еще подумаю и поговорю с женой, – отвечал мистер Шельби. – А пока, Гэлей, если вы хотите обделать дело, как говорили раньше, тихо, без шума, вам лучше не рассказывать здесь, каким ремеслом вы промышляете. Если мои люди узнают это вам нелегко будет увезти кого-нибудь из них; я уверен, что дело не обойдется без шуму.

– Ну, конечно! Я очень хорошо понимаю! Гм! Разумеется! Но я должен предупредить вас, что я страшно спешу, мне надобно как можно скорей узнать, на что мне рассчитывать, – сказал он, вставая и натягивая пальто.

– Хорошо, приходите сегодня вечером между шестью и семью, и я дам вам ответ, – сказал мистер Шельби, и торговец с поклоном вышел из комнаты.

– С каким удовольствием столкнул бы я его с лестницы, – сказал сам себе мистер Шельби, когда дверь за негроторговцем захлопнулась. – Этакий самоуверенный нахал! Он знает, что держит меня в руках. Если бы кто-нибудь сказал мне, что я продам Тома на юг, одному из этих негодных торгашей, я бы ответил: «разве я собака, что могу сделать подобную вещь?» А теперь дошло до этого, другого нет исхода! И Элизин ребенок тоже! Чувствую, что придется выдержать из-за этого ссору с женой, из-за ребенка и из-за Тома тоже. Ой, ой ой! И всё оттого, что я наделал долгов! Негодяй понимает, что на его улице праздник и пользуется

этим!

В штате Кентукки рабовладение носило, пожалуй, наиболее мягкий характер. Преобладающим занятием населения было земледелие со своим спокойным размеренным трудом без тех периодов спешной, усиленной работы, какие характеризуют культуру более южных штатов. Здесь труд негра был более здоров и более разумен, а хозяин довольствовался постепенным приобретеньем и не испытывал искушения быть жестокосердным, искушения, которому часто поддается слабая человеческая натура, когда на одной чаше весов лежит быстрая, скорая нажива, а на другой всего только интересы беспомощных и беззащитных существ.

Чужеземец, посетивший некоторые имения штата и наблюдавший добродушную снисходительность иных хозяев и хозяек, и верную преданность иных рабов, может размечтаться и, пожалуй, поверить старой поэтичной легенде о патриархальности рабства: но над всеми этими приятными картинами нависла мрачная тень, тень закона. Пока закон рассматривает все эти человеческие существа с бьющимися сердцами и живыми чувствами только как вещи, принадлежащие господину, пока вследствие разорения, несчастья, неосторожности или смерти собственника жизнь под покровительством и защитою снисходительного хозяина может всякую минуту смениться днями мучений и безнадежного страдания, – до тех пор невозможно, при самой лучшей системе управления, сделать рабство учреждением хорошим и желательным.

Мистер Шельби был образцом хорошего заурядного человека: добродушный, мягкий по природе, он склонен был всегда снисходительно относиться к окружающим. Его негры в материальном отношении не терпели никаких недостатков. Но он вел разные рискованные предприятия, потерпел значительные убытки, запутался в долгах, и многие из его долговых обязательств попали в руки Гэлея. Это маленькое объяснение дает ключ к предыдущему разговору.

Подходя к двери столовой, Элиза случайно услышала несколько слов этого разговора и поняла, что какой-то торговец предлагает хозяину купить у него негра.

Элизе очень хотелось, выходя из комнаты, постоять подольше у дверей и послушать, но в эту минуту ее позвала её госпожа, и ей пришлось поспешить.

И всё-таки ей показалось, что торговец предлагает купить её мальчика, – может быть, она ошиблась? Сердце её сильно билось, она невольно так крепко прижала к себе ребенка, что он с удивлением посмотрел на нее.

– Элиза, что с тобой сегодня? – спросила её госпожа, заметив, что Элиза пролила воду из умывальника, опрокинула рабочий столик и, вместо шелкового платья, которое должна была достать из шкафа, подает ей ночную блузу.

Элиза вздрогнула.

– О, миссис! – вскричала она, подняв на нее глаза. Потом вдруг залилась слезами и, рыдая, опустилась на стул.

– Элиза, дитя мое! Что случилось? – спросила ее миссис Шельби.

– О миссис, миссис! – вскричала Элиза, – в столовой сидел и разговаривал с барином один торговец неграми! Я сама слышала!

– Ну, так что же из этого, глупенькая?

– О, миссис, как вы думаете, продаст хозяин моего Гарри? – и несчастная мать судорожно зарыдала.

– Продаст Гарри? Конечно нет, дурочка! Ты же ведь знаешь, что твои господин не ведет никаких дел с этими южными торговцами, и что он никогда не продает своих рабов, пока они ведут себя хорошо. Да и кому нужно покупать твоего Гарри? Ты думаешь, все от него также без ума, как ты, глупенькая? Полно, успокойся, застегни мне платье. Ну, вот так. А теперь сделай мне ту новую прическу, которой тебя недавно выучили, и в другой раз не подслушивай у дверей.

– А вы, миссис, вы никогда не согласитесь чтобы… чтобы…

– Глупости, дитя мое! Конечно, не соглашусь. Об этом и говорить не стоит. Для меня это всё равно, что продать одного из моих собственных детей. Но, право, Элиза, ты уж слишком гордишься своим мальчуганом. Стоило какому-то незнакомому человеку показать нос в дверь, и ты уже вообразила, что он

приехал покупать его.

Успокоенная уверенным тоном своей госпожи, Элиза ловко и проворно помогла ей одеться, и скоро сама стала смеяться над своим страхом.

Миссис Шельби была женщина выдающаяся, как в умственном, так и в нравственном отношении. С природным великодушием и душевною добротой, которыми часто отличаются женщины Кентукки, в ней соединялась высоко развитое нравственное и религиозное чувство, и в то же время уменье энергично доводит на практике свои принципы. Её муж, не отличавшийся большою набожностью, ценил и уважал её религиозные убеждения и немного боялся её мнений. Он предоставлял ей неограниченную свободу во всём, что касалось устройства быта, обучение и воспитание рабов, но сам не вмешивался в это дело. Нельзя сказать, чтобы он признавал спасительность для верующих особых подвигов святых, но ему как-то смутно представлялось, что его жена обладает благочестием и милосердием, которых вполне хватит на двоих и что он может попасть в царствие небесное, благодаря качествам, которыми она наделена в избытке, и которыми сам он не особенно стремился обладать.

После разговора с торговцем его больше всего удручала необходимость сообщить жене о заключаемой сделке; он предвидел её возражения, её упреки и сознавал, что заслужил их.

Миссис Шельби не имела никакого понятия о денежных затруднениях мужа, но она знала, что он вообще человек добрый, и потому совершенно искренне не поверила подозрениям Элизы. Она сразу, недолго думая, отвергла возможность такого факта и, занятая приготовлениями к выезду на вечер, скоро совершенно забыла о своем разговоре с Элизой.

Глава II

Мать

Элиза с детства росла на глазах у своей госпожи и всегда считалась её балованной любимицей.

Путешественник, проезжая по южным штатам не может не обратить внимания на особое изящество, на мягкость голоса и манер очень многих мулаток и квартеронок. У квартеронок эти врожденные свойства часто соединяются с ослепительною красотою и всегда с очень приятною, симпатичною наружностью. Портрет Элизы, набросанный нами, не плод нашего воображения: он сделан с натуры, по памяти, такою видели мы ее несколько лет тому назад в Кентукки. Благодаря покровительству и присмотру своей госпожи, Элиза выросла, не подвергаясь тем искушениям, которые делают красоту пагубным даром для рабыни. Она вышла замуж за красивого и талантливого молодого мулата, Джоржа Гарриса, который принадлежал соседнему помещику.

Хозяин этого молодого человека отдал его в рабочие на мешочную фабрику, где он, благодаря своей ловкости и способностям, скоро занял первое место среди рабочих. Он изобрел машину для очистки пеньки, и, принимая во внимание отсутствие образования и общественное положение изобретателя. Можно сказать, что этим он обнаружил не меньше гениальности, чем Уитней, изобретатель трепальной машины.[1 - Машина такого рода была, действительно, изобретена одним молодым чернокожим в Кентукки.]

Он был красив собой, обладал привлекательными манерами и пользовался общею любовью на фабрике. Тем не менее, так как молодой человек был в глазах закона не человек, а вещь, то все эти выдающиеся способности были подчинены власти грубого, властолюбивого хозяина. Этот господин, прослышав об изобретении Джоржа, приехал на фабрику посмотреть, что такое сделала его талантливая собственность. Хозяин фабрики принял его очень любезно и поздравил его с таким дорогим невольником.

Его водили по всей фабрике, показывали ему машину Джоржа; молодой мулат, возбужденный общим вниманием, говорил так хорошо, держался так свободно, имел такой красивый мужественный вид, что его хозяин невольно испытывал неприятное чувство его превосходства над собой. С какой стати этот невольник, его собственность, разъезжает повсюду, изобретает машины и держит себя наравне с джентльменами? Этому следует как можно скорей положить конец. Он возьмет его домой, заставит работать киркой и лопатой, посмотрим тогда, куда денется его франтовство. Фабрикант и все рабочие были страшно удивлены, когда он вдруг потребовал жалованье Джоржа и объявил о своем намерении взять его домой.

– Но, мистер Гаррис, – возражал фабрикант, – не слишком ли это поспешное решение?

– Ну, так что же? Ведь это же мой собственный человек.

– Мы бы охотно прибавили ему жалованье, сэр.

– Это мне всё равно, сэр. Я не намерен отдавать в наем моих людей, когда мне этого не хочется.

– Но, сэр, он, по-видимому, особенно способен именно к фабричной работе.

– Очень может быть; до сих пор он не был способен ни к какому делу, которое я ему поручал.

– Но, подумайте только, ведь он изобрел эту машину, – некстати напомнил ему один из рабочих.

– Да, да, машину для сокращения работы? Это он всегда может придумать; самое настоящее дело для негра. Они сами все, сколько их ни есть, машины для сокращения работы. Нет, нет, я его беру.

Джорж был ошеломлен, услышав свой приговор, так неожиданно произнесенный властью, которой, как он знал, нельзя было противиться. Он сложил руки, плотно сжал губы, но целый вулкан горьких чувств бушевал в груди его и разливался огнем по его жилам. Он прерывисто дышал, и черные глаза его горели, как угли; это могло бы кончиться опасным взрывом, если бы добродушный фабрикант не дотронулся до его руки и не шепнул ему:

– Покорись, Джорж, иди с ним теперь. Мы постараемся выручить тебя.

Тиран заметил этот шёпот и догадался, что было сказано, хотя не мог расслышать слов; это укрепило его решение показать свою власть над несчастной жертвой.

Джоржа привезли домой и заставили исполнять самую черную работу на ферме. У него хватило силы воли, чтобы воздержаться от всякого непочтительного

слова; но его сверкающие глаза и мрачно сжатые брови ясно говорили, что человек не может превратиться в вещь.

Во время своей счастливой жизни на фабрике, Джорж познакомился с Элизой и женился на ней. Пользуясь доверием своего хозяина, он мог свободно уходить и приходить, когда хотел. Миссис Шельби вполне одобряла этот брак; во-первых, она как все женщины, питала маленькое пристрастие к сватовству, во-вторых, она была очень рада выдать свою хорошенькую любимицу за человека её сословия и, по-видимому, во всех отношениях подходящего к ней. Свадьба праздновалась в большой гостиной помещичьего дома, сама госпожа красила чудные волосы невесты цветами флердоранжа и накинула фату на её прелестную головку; не было недостатка в белых перчатках, в угощении, в вине и в гостях, восхвалявших красоту невесты, щедрость и доброту её госпожи. Первые года два Элиза часто видалась с мужем, и ничто не нарушало их счастья, кроме смерти двух малюток, которых Элиза страстно любила, и которых она оплакивала с таким отчаянием, что её госпожа кротко выговаривала ей, стараясь с материнскою заботливостью обуздать эту страстную натуру доводами разума и религии.

Но после рождения маленького Гарри, Элиза постепенно успокоилась и утешилась. Кровавые раны затянулись, изболевшие нервы окрепли, и она наслаждалась счастливой жизнью до того времени, когда муж её, грубо удаленный от доброго фабриканта, попал под железное ярмо своего законного господина.

Фабрикант, верный своему слову, приехал к мистеру Гаррису недели через две после того, как Джорж был увезен. Он надеялся, что за это время гнев мистера Гарриса остыл и всячески старался убедить его вернуть мулата на фабрику.

– Вы напрасно теряете слова, – сердито ответил Гаррис, – я сам знаю свои дела, сэр.

– Я и не позволю себе мешаться в ваши дела, сэр. Я только думал, что вам будет выгодно отпустить к нам вашего человека на предлагаемые мною условия.

– О, я всё отлично понимаю. Я видел, как вы ему подмигивали и шушукались с ним в тот день, когда я увез его с фабрики; но меня не так легко провести. У нас свободная страна сэр; этот человек мой собственный, и я делаю с ним, что хочу,

вот вам и весь сказ.

Последняя надежда Джоржа исчезла; впереди ему предстояла жизнь труда и неволи, жизнь, еще более горькая вследствие разных мелких придирок и обид, на которые так изобретательны все тираны.

Один весьма гуманный юрист сказал однажды: «Самое дурное употребление, какое можно сделать из человека – это повесить его». Нет! можно сделать еще другое употребление и гораздо худшее.

Глава III

Муж и отец

Миссис Шельби уехала в гости, и Элиза стояла на веранде, уныло следя за удалявшимся экипажем; вдруг чья-то рука опустилась на её плечо. Она обернулась и веселая улыбка засветилась в глазах её.

– Джорж, это ты! Как ты меня испугал! Ну, я рада, что ты пришел! Миссис уехала на весь вечер; пойдем в мою комнатку, там нам никто не помешает.

С этими словами она повела его в маленькую комнатку, выходившую на веранду; там она обыкновенно сидела за работой и могла слышать зов своей госпожи.

– Как я рада! Что же ты не улыбнешься? посмотри на, Гарри, как он вырос! – Мальчик застенчиво глядел на отца из-под нависших кудрей и крепко держался за юбку матери.

– Видишь, какой красавчик! – сказала Элиза, раздвигая его длинные локоны и целуя его.

– Лучше бы ему не родиться на свет! – с горечью проговорил Джорж, – лучше бы и мне самому не родиться.

Удивленная и испуганная этими словами, Элиза опустилась па стул, положила голову на плечо мужа и залилась слезами.

– Перестань, Элиза, это, конечно, не хорошо, что я так огорчил тебя, бедняжка, – сказал он нежно, – это очень нехорошо, ах, лучше, если бы ты никогда не видала меня, может быть, ты была бы счастлива!

– Джорж! Джорж! Как ты можешь это говорить! Что такое случилось, какого несчастья ты ждешь? Мы были так счастливы до последнего времени!

– Да, мы были счастливы, дорогая, – сказал Джорж. Он взял ребенка к себе на колени, пристально поглядел в его красивые, черные глаза и провел рукой по его длинным локонам.

– Как он похож на тебя, Элиза! а ты самая красивая женщина, какую я когда-нибудь видал и самая лучшая из всех женщин, каких я знал. И всё-таки я был бы очень рад, если бы никогда не встречал тебя, а ты меня.

– О, Джорж, как это можно!

– Да, Элиза, везде горе, горе и горе! Моя жизнь горьче полыни. Я бедный, несчастный пропащий человек; я погибну и тебя увлеку с собой. К чему нам пытаться что-нибудь делать, что-нибудь узнать, быть чем-нибудь? К чему нам вообще жить? Я хотел бы умереть!

– Ах, перестань, милый Джорж, это, право, грешно! Я знаю, как тебе было тяжело потерять свое место на фабрике, знаю, что у тебя жестокий хозяин, но, пожалуйста, потерпи, может быть, что-нибудь…

– Терпеть! – перебил он ее. – Точно я не терпел! Разве я сказал хоть слово, когда он приехал и без всякой причины увез меня с того места, где все были добры ко мне. Я честно отдавал свой заработок до последней копейки; и все говорят, что я работал хорошо!

– Да, это ужасно, – сказала Элиза, – но всё-таки он ведь твой господин, не забывай этого!

– Мой господин! А кто поставил его господином надо мной? Я беспрестанно думаю об этом – какое право имеет он распоряжаться мной? Я такой же человек, как он; я лучше, чем он; я знаю дело больше, чем он я лучше могу вести хозяйство, я лучше его читаю, красивее пишу, и всему этому я научился сам, без его помощи, научился наперекор ему. После этого какое он имеет право обращать меня в ломовую лошадь? Отрывать меня от работы, которую я могу делать лучше его и приставлять к такой, которую может исполнить всякая лошадь? Он говорит, что решил смирить и унизить меня, и он нарочно поручает мне самую тяжелую, низкую и грязную работу!

– О, Джорж, Джорж, ты пугаешь меня. Ты еще никогда так не говорил. Я боюсь, что ты сделаешь что-нибудь ужасное. Я не удивляюсь, что ты сердишься, нисколько не удивляюсь, но будь осторожен, умоляю тебя, ради меня, ради Гарри!

– Я был осторожен и был терпелив, но ведь это идет с каждым днем хуже и хуже. У меня нет сил терпеть больше. Он пользуется каждым случаем, чтобы оскорбить, помучить меня. Я думал, что если буду хорошо работать, меня оставят в покое, и у меня будет возможность в свободное время почитать и поучиться; но чем больше я делаю, тем больше работы он наваливает на меня. Он говорит, что, хотя я молчу, но, он видит, что во мне сидит бес и он его выгонит; ну, когда-нибудь этот бес выскочит в самом деле и навряд ли ему от этого поздоровится.

– О, Господи, что же нам делать? – жалобно спросила Элиза.

– Вот что случилось вчера, – снова заговорил Джорж. – Я накладывал камни на телегу, а молодой мистер Том, стоял тут же и щелкал бичем так близко от лошади, что она пугалась. Я самым вежливым образом попросил его перестать. Он продолжал свое. Я опять попросил его, тогда он повернулся ко мне и стал хлестать меня. Я остановил его руку, тогда он закричал, завизжал и побежал жаловаться отцу, что я его прибил. Тот пришел взбешенный и закричал, что покажет мне, кто здесь господин. Он привязал меня к дереву, нарезал прутьев и дал их барчуку, сказав, чтобы он бил меня, пока не устанет. Тот так и сделал. Я это ему припомню когда-нибудь!

Брови молодого человека мрачно сдвинулись, в глазах его засверкал такой гнев, что бедная женщина задрожала.

– Кто сделал этого человека моим господином, вот что мне хотелось бы знать? – проговорил он.

– Я всегда думала, – грустно проговорила Элиза, – что я должна повиноваться моему господину и моей госпоже, иначе я не могу считаться христианкой.

– Для тебя это имеет хоть некоторый смысл; они с детства воспитывали тебя, кормили, одевали, баловали, учили, дали тебе хорошее образование, – они имеют некоторые права на тебя. Меня, наоборот, только били, колотили да ругали и в лучшем случае оставляли без внимания. Чем я ему обязан? Я сторицею заплатил ему за свое содержание. Я не хочу больше выносить всего этого, нет, не хочу, повторил Джорж, нахмурив лоб и сжимая кулаки.

Элиза дрожала и не говорила ни слова. Она никогда еще не видала своего мужа в таком настроении. Те кроткие правила нравственности, в которых она была воспитана, колебались перед этой бурной страстью.

– Помнишь маленького Карла, которого ты подарила мне? – продолжал Джорж. – Эта собачка была, можно сказать, моим единственным утешением. Ночью она спала вместе со мной, а днем всюду ходила за мной и так глядела мне в глаза, точно понимала, как мне тяжело. На днях я вздумал покормить ее объедками, которые нашел около кухонных дверей; в эту минуту вышел хозяин и стал говорить, что я кормлю собаку на его счет, что он не может позволить всякому негру держать собак, и в конце концов вслед мне навязать ему камень на шею и бросить его в пруд.

– Ой, Джорж, ты этого не сделал!

– Нет, конечно! Он сам это сделал. Господин и Том бросали в несчастную собаку каменья, пока она не потонула. Бедняжка! Она так грустно глядела на меня, точно хотела спросить, отчего я не спасаю ее. Меня высекли за то, что я не согласился ее топить… Ну, всё равно! Хозяин скоро увидит, что я не из тех, кого можно смирить плетью. Придет и мой черед потешиться над ним!

– Что ты хочешь сделать? О, Джорж, не делай ничего дурного! Если ты только веришь в Бога и постараешься поступать хорошо, Он освободит тебя.

– Я не такой хороший христианин, как ты, Элиза; у меня в сердце злоба. Я не могу верить в Бога! Зачем Он допускает такие вещи?

– О, Джорж, мы должны верить! Миссис говорит, что какие бы несчастья с нами ни случались, мы всё-таки должны верить, что Бог всё делает к лучшему.

– Хорошо так рассуждать людям, которые сидят на диванах и катаются в каретах; пусть бы они побывали на моем месте, небось, не так бы заговорили. Я рад быть добрым, но у меня горит сердце, я не могу укротить его. И ты не могла бы, если бы была на моем месте, ты и теперь возмутишься, когда я тебе всё расскажу. Ты еще не знаешь главного.

– Что же еще?

– А вот что: на днях хозяин сказал, что жалеет, зачем позволил мне жениться на женщине из чужого имения; что он ненавидит мистера Шельби и весь его род, потому что они гордецы и задирают перед ним нос, и я от тебя научился важничать; и еще он сказал, что не будет больше пускать меня сюда, и что я должен взять себе жену из его невольниц и поселиться на его земле. Сначала он говорил всё это так только, под сердитую руку, чтобы постращать меня; а вчера прямо велел мне взять в жены Мину и поселиться с ней в одной хижине, иначе он продаст меня на юг.

– Как же так? ведь ты женат на мне, нас венчал священник совершенно так, как венчают белых? – простодушно сказала Элиза.

– Разве ты не знаешь, что раб не может быть женат? По здешним законам это не полагается: я не могу удержать тебя, как свою жену, если хозяин вздумает разлучить нас. Вот отчего я говорил, что лучше бы нам с тобой никогда не встречаться, лучше бы мне никогда не родиться; это было бы лучше для нас обоих, и для этого бедного ребенка лучше было бы не родиться на свет! Всё это может случиться и с ним.

– О, наш хозяин такой добрый!

– Да, но как знать? Он может умереть, и тогда нашего Гарри продадут Бог знает кому! Какая радость в том, что он красив, умен и понятлив? Поверь мне, Элиза, каждое хорошее качество, каждое проявление даровитости в твоем ребенке

мечем пронзит твою душу: всё это настолько увеличивает его цену, что тебе не удержать его при себе.

Слова мужа тяжело отозвались в сердце Элизы. Ей вдруг представился сегодняшний торговец, она побледнела и с трудом перевела дыхание, точно будто ей нанесли смертельный; удар. Она тревожно заглянула на веранду, куда ушел её мальчик, наскучив серьезным разговором, и где он теперь преважно разъезжал на палке мистера Шельби.

Она хотела рассказать мужу свои опасен но удержалась.

– Нет, нет, у него довольно и своего горя, – подумала она. – Нет я не буду говорить, да ведь это же и неправда! Госпожа никогда не обманывает нас.

– Ну, Элиза, дорогая моя, – печальным голосом сказал её муж. – Подержись, не унывай и… попрощаемся; я ухожу.

– Уходишь, Джорж? куда ты уходишь?

– В Канаду, – сказал он, стараясь сохранить бодрость, – когда я там устроюсь, я постараюсь купить тебя – это единственная надежда, остающаяся нам. У тебя добрый господин, он не откажется продать тебя. Я постараюсь, Бог даст, купить и тебя, и нашего мальчика.

– О, как это ужасно! Тебя поймают!

– Нет, не поймают, Элиза, я скорей умру, чем дамся им в руки. Я или буду свободен, или умру.

– Неужели ты сам себя убьешь?

– Нет, этого мне не придется делать, они сами убьют меня; но во всяком случае живым они меня не продадут на юг.

– О Джорж, умоляю тебя, будь осторожен. Не делай ничего дурного; не накладывай на себя рук и не убивай никого другого. У тебя слишком много искушений, слишком много, но ты удержись! Тебе, конечно, надо уйти, но уходи

осторожно, осмотрительно; молись Богу, чтобы он помог тебе.

– Хорошо, Элиза, теперь послушай, какой у меня план. Хозяин выдумал послать меня с запиской к мистеру Симмесу, который живет за милю отсюда. Идти туда надо было мимо вас, и он, конечно, был уверен, что я уйду сюда и всё расскажу. Он рад случаю сделать неприятность «Шельбинскому отродью», как он их называет. Я вернусь домой покорным, понимаешь, как будто всё между нами кончено. Я уже сделал некоторые приготовления и нашел людей, которые помогут мне; через какую-нибудь неделю я исчезну. Молись за меня, Элиза. Может быть, Господь Бог услышит тебя.

– Ах, Джорж, ты и сам молись! Надейся на Бога, и тогда ты не сделаешь ничего дурного!

– Ну, хорошо, теперь прощай! – сказал Джорж, сжимая руки Элизы и смотря ей прямо в глаза. Они стояли молча, потом обменялись несколькими прощальными словами, потом раздались рыданья – так прощаются те, чья надежда на свиданье не крепче паутины, – и муж с женой расстались.

Глава IV

Вечер в хижине дяди Тома

Хижиной дяди Тома было небольшое бревенчатое строение, близко прилегавшее к «дому», как негры обыкновенно называют жилище своего господина. Перед ней был хорошенький садик, в котором всякое лето, благодаря заботливому уходу, зрела клубника, малина, разные фрукты и овощи. Передняя стена её сплошь заросла крупною красною бегонией и махровою розой, сквозь которые еле виднелись неотесанные бревна. Здесь же, в укромном уголке, пышно разрастались разные однолетние цветы: ноготки, петунья, гвоздики, составлявшие гордость и утешение тетушки Хлои.

Войдем в хижину. В «доме» уже отужинали, и тетушка Хлоя, наблюдавшая за приготовлением кушанья для господ в качестве главного повара, предоставила низшим чинам кухонного ведомства мытье посуды и уборку кухни, а сама

удалялась в собственные уютные владения, чтобы приготовить ужин «своему старику». Теперь она стоит у печки, наблюдая с тревожным вниманием за чем-то, шипящим на сковороде и в то же время беспрестанно озабоченно приподнимает крышку кастрюли, из которой по комнате распространяется запах, предвещающий нечто вкусное. Её круглое, черное, веселое лицо до того лоснится, что, кажется, будто оно вымазано яичным желтком, как те сухари, которые она печет к чаю. Из-под туго накрахмаленного клетчатого тюрбана, толстое лицо её сияет довольством с примесью некоторого сознания собственного достоинства, как и подобает первой поварихе в окружности, какою все единогласно признают тетушку Хлою.

И действительно, она была поварихой до мозга костей и до глубины души. Все цыплята, индюки и утки на птичьем дворе становились серьезными при её приближении, и, очевидно, начинали подумывать о своем смертном часе; сама она, казалось, ни о чём не думала, кроме соусов, начинок и жарких, так что естественно могла внушить ужас всякой сознательной живности. Её торты и множество других печений всевозможных наименований составляли непостижимую тайну для менее опытных соперниц её; нередко она сама с законною гордостью и веселым хохотом рассказывала о бесплодных усилиях той или другой кухарки подняться на одинаковую с нею высоту.

Приезд гостей в «дом», устройство парадных обедов и ужинов возбуждали всю её энергию. Ей необыкновенно приятно было видеть груду дорожных чемоданов на веранде, так как это предвещало ей новые труды и новое торжество.

Итак, в эту минуту тетушка Хлоя наблюдает за сковородой и мы предоставим ей заниматься этим делом, а сами докончим осмотр хижины.

В одном углу её стоит кровать, опрятно прикрытая белоснежным покрывалом; перед ней разостлан довольно большой кусок ковра. Этот ковер ясно показывал, что тетушка Хлоя стоит на довольно высокой ступени общественной лестницы; и он сам, и постель, перед которой он лежит, и весь этот угол были предметами особого уважены домашних и, насколько было возможно, оберегались от нападений мелкого люда. В сущности, этот угол считался гостиною обитателей хижины. В другом углу стояла кровать гораздо более скромного вида, очевидно, предназначавшаяся для употребления. Стена над печкой была украшена несколькими яркими картинками из Св. Писания и портретом генерала Вашингтона, нарисованным и раскрашенным так, что герой, увидав его, наверно, не признал бы его за свое изображение.

На простой деревянной скамье в углу комнаты двое курчавых мальчиков с блестящими черными глазами и толстыми лоснящимися щеками наблюдали за первыми опытами в ходьбе маленькой девочки, которая, как это обыкновенно бывает в подобных случаях, становилась на ноги, несколько секунд покачивалась из стороны в сторону, и затем падала на пол, что каждый раз вызывало крики одобрения со стороны зрителей, считавших такой способ передвижения необыкновенно остроумным.

Перед печкой стоял стол, ножки которого немного страдали от ревматизма; он был покрыт скатертью, на которой красовались чашки и блюдечки с самыми удивительными рисунками, и другие принадлежности предстоявшего угощения. За этим столом сидел дядя Том, лучший работник мистера Шельби. Так как он является героем нашей истории, то мы должны дать более подробное описание его наружности. Это был высокий широкоплечий, мускулистый! человек безукоризненно черного цвета. Чисто африканские черты лица его выражали вдумчивость, соединенную с приветливостью и добротой. Во всей его фигуре заметно было чувство самоуважения и достоинства, и в то же время доверчивое, скромное простодушие.

Всё его внимание в эту минуту сосредоточивалось на лежавшей перед ним грифельной доске, на которой он медленно и старательно выводил буквы под надзором молодого мастера Джоржа, стройного красивого мальчика лет тринадцати, с полным достоинством исполнявшего роль преподавателя.

– Не так, не так, дядя Том! – воскликнул он, когда дядя Том старательно вывел хвостик «d» не в надлежащую сторону; – так у тебя вышло «q», понимаешь?

– Ишь ты! Да неужели? – удивился дядя Том, с восторгом и почтением глядя как его молодой господин быстро и красиво выводил целый ряд «q» и «d» в назидание ему. Он взял грифель своими толстыми, неуклюжими пальцами и снова терпеливо принялся за работу.

– Как белым всё легко дается! – воскликнула тетушка Хлоя, переставая на минуту мазать сковороду куском сала, надетым на вилку, и с гордостью глядя на мастера Джоржа.

– Ведь, как он славно и пишет, и читает. Да еще приходит к нам каждый вечер и читает нам свои уроки, это ужасно интересно!

– Однако, тетушка Хлоя, я страсть как голоден, – сказал Джорж. – Кажется, твой торт уже готов?

– Почти что готов, мистер Джорж, – отвечала тетушка Хлоя, приподнимая крышку и заглядывая в кастрюлю. – Отлично подрумянился, самого настоящего коричневого цвета. Да, уж этому меня нечего учить! Как-то на днях миссис велела Салли сделать торт, чтобы, говорит, она подучилась. А я говорю: «Подите вы, миссис, с вашим ученьем. У меня сердце переворачивается, когда я вижу, как напрасно портят добро. Торт свалился на бок, формы никакой, просто точно мой башмак, подите вы, говорю!»

С этим последним восклицанием, выразившим её презрение к неопытности Салли, тетушка Хлоя сняла крышку с кастрюли и показала присутствовавшим так мастерски испеченный торт, что ни один городской кондитер не постыдится бы признать его своим. Так как, очевидно, он был главным блюдом, то тетушка Хлоя принялось серьезно хлопотать об ужине.

– Слушайте, Мося, Петя! не суйтесь под ноги, черномазые. Отойди, Полли, моя радость; мама ужо даст своей детке что-то очень вкусное. Ну, мистер Джорж, уберите-ка книги да садитесь подле моего старика, я сейчас выну сосиску, а лепешки будут готовы в одну минуту.

– Меня оставляли ужинать в доме, – сказал Джорж, – но я знаю, где лучше, тетушка Хлоя.

– Разумеется, знаешь, моя радость, как тебе не знать, – сказала тетушка Хлоя, наваливая ему на тарелку целую кучу горячих лепешек. – Ты знаешь, что старая тетушка всегда прибережет для тебя лучший кусочек! Ты у меня умник!

С этими словами тетушка Хлоя подтолкнула Джоржа пальцем, воображая, что это будет смешно, и затем быстро вернулась к своей сковороде.

– Ну, теперь примемся за торт, – сказал мастер Джорж, заметив, что на сковороде больше не шипит, и занес большой нож над этим произведением поварского искусства.

– Господи помилуй, мастер Джорж! – вскричала встревоженная тетушка Хлоя, хватая его за руку. – Неужели вы ходите резать его этим огромным, тяжелым ножом! Ведь вы его сомнете, он весь осядет! Вот вам тонкий, старый ножик, я его нарочно наточила. Вот, видите, он идет легко, как перышко! Ну, кушайте себе, лучше нигде не найдете!

– Том Линкольн уверяет, – проговорил Джорж с полным ртом, – что их Джинни готовит лучше тебя!

– Подите вы со своими Линкольнами! – презрительно ответила тетушка Хлоя, – они и сами-то немногого стоят, конечно, если сравнить с нашими господами. А так-то говоря, они люди почтенные, только живут по простоте, ни о каких парадных приемах и понятия не имеют. Возьмите хоть массу Линкольна, поставьте-ка его рядом с массой Шельби. Господи Боже! А миссис Линко? Разве она может войти в комнату такой павой, как наша барыня? Нет, уж не говорите мне ничего об ваших Линкольнах! – И тетушка Хлоя покачала головой с видом человека, хорошо знающего свет.

– А ведь ты же сама говорила, – заметил Джорж, – что Джинни очень хорошая кухарка?

– Говорила, – отвечала тетушка Хлоя – и теперь скажу. Обыкновенные, простые кушанья Джинни готовит хорошо, хлеб испечь умеет, её другие печенья не первый сорт, а всё-таки есть можно. Ну, а уж насчет тонких блюд – не взыщите! Она вам, коли хотите, и паштет состряпает, только надо знать, какой! Ей в жизни не сделать такого слоеного теста, чтобы оно таяло во рту и, как пуховик, поднималось кверху. Я ведь была там, когда мисс Мери выходила замуж, и Джинни доказывала мне свадебный пирог. Мы ведь с Джинни друзья, вы знаете? Я ничего не сказала ей, мастер Джорж, но, право же, я целую неделю не могла бы заснуть, если бы мне случилось испечь такой пирог, он просто таки никуда не годился!

– А Джинни наверно находила, что он очень хорош, – сказал Джорж.

– Понятно, находила! Она же хвасталась им, как дурочка! В том, видите ли, и штука, что Джинни не понимает, что хорошо, что нет. Ну, да ведь у них и вся семья не то, чтобы важная. Так ей и научиться не у кого, она не виновата. Ах, мастер Джорж, вы и в половину не сознаете, какое это для вас счастье, что вы из

такой семьи и так воспитаны! – Тетушка Хлоя вздохнула и с умилением подняла глаза к небу.

– Право, тетушка Хлоя, я отлично понимаю, какое счастье есть твои пироги и пудинги, – сказал Джорж. – Спроси Тома Линкольна, как я его дразню, этим всякий раз, как мы встречаемся.

Тетушка Хлоя откинулась на спинку стула и разразилась громким хохотом при этой шутке своего молодого господина. Она смеялась до того, что слезы потекли по её черным лоснившимся щекам, а в промежутках между взрывами хохота она наделяла Джоржа шутливыми толчками в бок и похлопываньями, уверяя его, что он прямо таки уморит ее, и уморит в самом скором времени: после каждого из таких убийственных предсказаний с ней делался сильнейший припадок хохота, так что, в конце концов, Джорж стал считать себя страшно остроумным человеком, и решил на будущее время быть осмотрительнее в своих шутках.

– Так вы рассказывали Тому? Ох, Господи, о чём нынче молодежь говорит! И вы дразнили Тома? О, Господи! Масса Джорж, да вы даже пень и то рассмешите.

– Да, – рассказывал Джорж, – я ему говорил: «Надо бы тебе, Том, когда-нибудь попробовать пирога тетушки Хлои, тогда бы ты узнал, какие бывают настоящие паштеты».

– А, ведь, и вправду, надо бы, – сказала тетушка Хлоя, добродушное сердце которой преисполнилось жалостью к обиженному судьбой Тому. – Надо бы вам как-нибудь пригласить его к себе пообедать, мастер Джорж. Это будет очень мило с вашей стороны. Знаете, масса Джорж, не надо никогда ни перед кем гордиться своими преимуществами, всё ведь это нам дано от Бога, этого не следует забывать, закончила тетушка Хлоя наставительным тоном.

– Хорошо, я непременно приглашу Тома как-нибудь на будущей неделе, а ты уж постарайся, тетушка Хлоя, угостить его на славу, чтобы он две недели после этого ничего не ел.

– Хорошо, хорошо! с восторгом согласилась тетушка Хлоя. – Господи! Каких обедов мы не задавали. Помните, какой я состряпала паштет с цыплятами, когда у нас обедал генерал Нокс? Мы с барыней тогда чуть не поссорились из-за этого обеда. Что-то находит иногда на господ, я уж и не понимаю. А только когда у

человека всего больше работы да заботы, они тут-то и вздумают соваться да мешаться. Так и наша барыня: стала приставать ко мне: сделай так, да сделай этак, ну, я под конец прямо таки обозлилась, да и говорю: «Барыня, говорю, посмотрите вы на свои красивые белые ручки, на свои тонкие пальчики, унизанные блестящими кольцами, ведь они словно белые лилии с кошельками и посмотрите вы на мои большие черные, грубые руки. Неужели вам не думается, что Господь Бог сотворил меня, чтобы печь пироги, и вал, чтобы сидеть в гостиной». Да, вот до чего я обозлилась, масса Джорж.

– А что же сказала мама? – спросил Джорж.

– Что она сказала? Она взглянула на меня своими красивыми глазами, будто улыбнулась, да и говорит: «Что же, тетушка Хлоя; это, пожалуй, и правда!» и пошла себе в гостиную. Другая поколотила бы меня за такую дерзость, но ничего не поделаешь, я не могу стряпать, когда у меня в кухне толкутся барыни.

– Ты тогда отлично приготовила обед, я помню, все хвалили, – сказал Джорж.

– Правда… ведь хорошо? Я стояла за дверью столовой и видела, как генерал три раза протягивал тарелку, чтобы ему положили еще кусочек этого самого паштета. Я слышала, как он сказал: «У вас удивительно хороший повар, мистер Шельби», я чуть не лопнула от гордости.

– А генерал знает толк в кушаньях, – продолжала тетушка Хлоя, выпрямляясь с достоинством, – он очень красивый мужчина, этот генерал! Я роду он хорошего, из самых знатных фамилий Старой Виргинии! Он не хуже меня понимает, что к чему идет, этот генерал. Видите ли, масса Джорж, в каждом пироге есть своя загвоздка, но не всякий знает, в чём она. А генерал знает! Я это сразу заметила по его разговору. Он знает, что такое настоящий паштет.

В эту минуту масса Джорж дошел до того предела, пресыщения, до какого может (при исключительных обстоятельствах) дойти даже мальчик; он не мог проглотить больше ни куска, и потому обратил внимание на груду курчавых голов и блестящих глаз, которые с противоположного угла комнаты жадно следили за всеми движениями ужинавших.

– Вот вам, Мося, Петя, ловите! – сказал он, отламывая большие куски торта и бросая их детям, – Небось, и вам хочется? Тетушка Хлоя, спеки им лепешек.

Джорж и Том спокойно уселись около камина, а тетушка Хлоя, поджарив порядочную грудку лепешек, взяла на колени свою маленькую девочку и начала по очереди набивать то её рот, то свой собственный не забывая при этом Мосю и Петю, которые предпочитали есть валясь на полу под столом щекоча друг друга и по временам дергая сестренку за ногу.

– Да, перестаньте же вы! – покрикивала на них мать, раздавая наугад пинки под стол, когда возня становилась слишком шумной. – Неужели вы не можете вести себя прилично, когда у нас в гостях белые? Перестаньте, говорю вам! Вы дождетесь того, что мне придется перешить вам пуговицы пониже, когда масса Джорж уйдет.

Трудно сказать, что означала эта странная угроза; но очевидно, её зловещая неопределенность произвела очень мало впечатления на юных преступников.

– Ну, что там! – сказал дядя Том, – они до того расшалились, что не могут перестать.

При этих словах мальчики выползли из-под стола с руками и лицами обмазанными патокой и принялись усердно целовать малютку.

– Убирайтесь вы! – закричала мать, отталкивая их головенки. – Этак вы склеитесь друг с другом, что потом и не отдерешь. Идите к колодцу, вымойтесь! – Последнее приказание сопровождалось шлепком, который прозвучал очень громко, но, кажется, только увеличил веселость шалунов, с громким хохотом выбежавших из комнаты.

– Видали ли вы более несносных ребятишек? – добродушно замесила тетушка Хлоя. Она достала старое полотенце, сохранявшееся специально для таких случаев, помочила кончик его водой из чайника и принялась стирать патоку с лица и рук малютки: натерев девочку до того, что та заблестела, она посадила ее к Тому на колени, а сама стала прибирать со стола. Малютка дергала Тома за нос, теребила за лицо, запускала свои толстенькие ручки в его курчавые волосы и эта последняя штука, по-видимому, доставляла ей величайшее наслаждение.

– Славная девчурка! – сказал Том, держа ее вытянутыми вперед руками. Потом он встал, посадил ее на свое широкое плечо и начал плясать и скакать с ней;

мастер Джорж гонялся за ними, махая своим носовым платком, а Мося и Петя, успевшие вернуться, рычали по-медвежьи, пока тетушка Хлоя не объявила, что от их шума у нее «голова лопается». Но так как по её собственным словам эта ужасная операция производилась в хижине ежедневно, то её заявление не омрачило общей веселости, и крики, беготня, вой и хохот продолжались до тех пор, пока все не выбились ив сил.

– Ну, слава Богу, наконец-то, вы угомонились, – сказала тетушка Хлоя, вытаскивая большой ящик выдвижной кровати, – а теперь, Мося и Петя, укладывайтесь спать, у нас будет митинг.

– Ах, нет, мама, мы не хотим спать. Мы хотим быть на митинге, митинги очень занятные, мы их ужасно любим.

– Ну, тетушка Хлоя, вдвинем ящик, пусть они посидят, – сказал масса Джорж решительным тоном, подталкивая тяжелый ящик.

Тетушка Хлоя сама была рада, что можно, не нарушая приличия, убрать ящик. – Ну что же, – говорила она, задвигая кровать, – пусть себе, может, им это и на пользу будет.

После этого все стали совещаться о разных приготовлениях и приспособлениях для митинга.

– Вот только откуда достать стульев, решительно не знаю, – сказала тетушка Хлоя. Но, так как митинги с незапамятных времен происходили каждую неделю в хижине Тома с тем же количеством стульев, то можно было надеяться, что дело уладится и на этот раз.

– Старый дядя Петер так пел на прошлой неделе, что у старого стула выломались обе ножки, – заметил Мося.

– Ну, уж молчи! Наверно, вы сами сломали их, это ваши штуки, – сказала тетушка Хлоя.

– Ничего, он простоит, надо только приткнуть его к стене, – заметил Мося.

– Только дядю Петера не сажайте на него, а то он всегда ездит на стуле, когда поет. Он в тот раз проехал через всю комнату, – сказал Петя.

– Что ты! его-то и надо посадить, – вскричал Мося. – Он затянет: «Придите, праведные и грешные, послушайте меня» и вдруг – бац! – Мальчик удивительно хорошо передразнил гнусавое пение старика и для изображения ожидаемой катастрофы грохнулся на пол.

– Будет вам! Ведите себя приличнее! Не стыдно ли? – усовещивала тетушка Хлоя.

Но масса Джорж присоединился к смеху шалунов и объявил, что Мося настоящий «паяц». После этого материнское увещание не произвело никакого действия.

– Ну, теперь, старик, – сказала тетушка Хлоя, – кати сюда бочонки.

– Мамины бочонки всё равно, что у той вдовы, про которую масса Джорж читал нам в хорошей книге, их всегда хватает, – заметил Мося шёпотом Пете.

– А помнишь, как на прошлой неделе один лопнул, и они все попадали во время пения, – сказал Петя.

Во время этой беседы мальчиков в комнату вкатили два пустых бочонка, подперли их с обеих сторон, чтобы они не двигались и сверху наложили доски; затем перевернули вверх дном несколько ведер и кадок, расставили хромые стулья, и приготовления были окончены.

– Масса Джорж так хорошо читает, – сказала тетушка Хлоя, – я надеюсь, он останется и почитает нам, это будет так интересно.

Джорж охотно согласился. Ему, как всякому мальчику, приятно было играть видную роль.

Комната вскоре наполнилась многочисленной: толпой; тут был и седой восьмидесятилетний старик и 15-летние ростки. Началось с невинной болтовни на разные темы, в роде вопроса о том, откуда у старой Салли взялся новый красный головной платок и о том, что миссис обещала подарить Лиззи свое

платье кисейное с мушками, когда ей сошьют новое барежевое, и о том, что масса Шельби хочет купить нового гнедого жеребенка, который будет украшением конюшни. Некоторые члены собрания принадлежали соседним помещикам и пришли сюда с разрешения своих господ; они рассказывали, что говорилось у них в «доме» и в поселке. Обмен сплетней и новостей шел своим чередом совершенно в таком же роде, как в гостиных знатных господ.

Через несколько минут началось пение к очевидному удовольствию всех присутствовавших. Даже неприятная манера пения в нос и та не могла испортить впечатления, производимого прекрасными от природы голосами и напевами, то страстными, то нежными. Пели или общеизвестные церковные гимны или песни более дикого и неопределенного характера, занесенные с миссионерских митингов.

Хор дружно и с большим чувством пропел одну из таких песен, в которой верные утверждали:

Умереть на поле битвы,

Умереть на поле битвы —

Блаженство для моей души.

В другой любимой песне часто повторялись слова:

О, я иду к блаженству, неужели ты не пойдешь со мной?

Разве ты не видишь, как ангелы кивают, мне и манят меня?

Разве ты не видишь золотого города и вечного света?

Пелись и другие гимны, в которых беспрестанно упоминались «берега Иордана», «поля Ханаана» и Новый Иерусалим; негры, одаренные от природы впечатлительностью и пылким воображением очень любят гимны с яркими, картинными описаниями. Во время пения одни смеялись, другие плакали, хлопали в ладоши или радостно пожимали друг другу руки, как будто они действительно благополучно достигли противоположного берега реки.

Пение перемежалось поучениями, основанными на личном опыте. Одна старая седая женщина, давно уже неспособная к труду, но пользовавшаяся всеобщем уважением как живая летопись прошлого, встала и, опираясь на палку, проговорила:

– Ну, вот, детки, я очень рада, что вижу и слышу всех вас еще раз, так как я не знаю, когда пойду в страну блаженных; но я уж приготовилась в путь, детки. Я связала свой узелок, надела чепчик и жду только повозки, которая повезет меня домой. Иногда по ночам мне представляется, что я слышу шум её колес, и я всё время прислушиваюсь. Готовьтесь и вы также, детки, истинно говорю вам, – она сильно стукнула палкой о пол, – вечное блаженство великая вещь! Это очень великая вещь, детки, а вы нисколько о нем и не думаете, это удивительно.

И старуха села, заливаясь слезами, и совсем обессилев, между тем как всё собрание затянуло:

О Ханаан, светлый Ханаан,

Я иду в страну Ханаан.

По общей просьбе масса Джорж прочел последние главы Апокалипсиса, при чём его часто прерывали восклицания в таком роде: «Экие страсти!» – Слушайте-ка, слушайте! – Подумать только! – И неужели же всё это так сбудется!

Джорж был мальчик развитой и воспитанный матерью в религиозном духе. Замечая, что все внимательно слушают его, он по временам вставлял от себя некоторые разъяснения, с важным и серьезным видом, который возбуждал удивление молодых и приводил в умиление стариков; присутствовавшие единогласно решили, что ни один священник не мог бы объяснить лучше его, и что это «просто поразительно».

Во всём, что касалось религии, дядя Том был для всех соседей чем-то в роде патриарха. В нём от природы преобладала нравственная сторона, кроме того он был развитее и умнее своих товарищей, и они относились к нему с почтением, смотрели на него отчасти как на священника. Его поучения, просто. искренне сказанные от всего сердца, могли бы произвести впечатление и на более образованных людей. Но особенно хороши были его молитвы. С трогательною простотою, с детскою верою произносил он свои обращения к Богу, вставляя в них слова из Св. Писания, которые так глубоко запали в его душу, что как бы

сделались частью и его самого и бессознательно слетали у него с языка. Один благочестивый отарой негр говорил про него: «Его молитва идет прямо вверх». Молитва Тома возбуждала такое религиозное настроение в слушателях, что часто ее почти заглушали ответные возгласы, раздававшиеся со всех сторон.

Пока всё это происходило в хижине раба, совсем другого рода сцена разыгрывалась в комнате господина.

Негроторговец и мистер Шельби по-прежнему сидели в столовой за столом, на котором были разложены бумаги и разные письменные принадлежности.

Мистер Шельби пересчитал связку денежных документов и затем передал ее торговцу, который тоже пересчитал ее.

– Хорошо, – сказал торговец, – а теперь потрудитесь подписать вот это.

Мистер Шельби поспешно подвинул к себе документы о продаже и подписал их, как человек, который спешит покончить неприятное дело, и тотчас же оттолкнул их прочь вместе с деньгами. Гэлей вытащил из старого потертого бумажника какой-то документ, бегло просмотрел его и передал мистеру Шельби, который схватил его с дурно скрываемым нетерпением.

– Ну, вот дельце и покончено! – сказал торговец, поднимаясь с места.

– Да, покончено! – задумчиво проговорил мистер Шельби, и повторил с глубоким вздохом: – Покончено!

– Вы как будто не совсем довольны? – заметил торговец.

– Гэлей, – сказал мистер Шельби, – надеюсь, вы не забудете, что дали мне честное слово не продавать Тома в неизвестные вам руки.

– А ведь вы же сами продали его, сэр?

– Меня заставила нужда, вы сами знаете, – отвечал Шельби свысока.

– Ну, что ж, может быть, и меня нужда заставит. Впрочем, я, во всяком случае, постараюсь, чтобы Том попал в хорошие руки. А насчет того, чтобы я с ним дурно обращался, вам нечего беспокоиться. Если я за что благодарю Бога, так именно за то, что я не жестокий человек.

После того как давеча негроторговец изложил ему свои гуманные принципы, мистер Шельби не мог особенно успокоиться его уверениями, но делать было нечего, приходилось хоть чем-нибудь утешиться. Он молча распрощался с негроторговцем и остался один докуривать свою сигару.

Глава V

Что чувствует живая собственность при переходе к другому владельцу

Мистер и миссис Шельби удалились на ночь в свою спальню. Он сидел, растянувшись в большом кресле, и просматривал письма, которые пришли с вечерней почтой; она стояла перед зеркалом и расчесывала локоны и завитки сложной прически, которую ей устроила Элиза; заметив бедность и неестественный блеск в глазах горничной, она решила обойтись без её услуг в этот вечер и велела ей лечь в постель. Возня с волосами напоминала ей утренний разговор с Элизой, и, обращаясь к мужу, она небрежно спросила его:

– Кстати, Артур, кто был неприятный человек, которого ты затащил сегодня к нам обедать?

– Его фамилия Гэлей, – сказал Шельби, беспокойно поворачиваясь в кресле и не отрывая глаз от письма.

– Гэлей? Кто же он такой? Зачем он приезжал?

– У меня были с ним кое-какие дела, когда я ездил в последний раз в Натчез.

– И на этом основании он считает себя нашим знакомым и является к нам обедать?

– Нет, я сам его пригласил, мне надо было покончить с ним кое-какие счеты.

– Он негроторговец? – спросила миссис Шельби, заметив, что муж как будто смущен.

– Почему это тебе показалось, моя дорогая?

– Ни почему, но сегодня днем Элиза пришла ко мне встревоженная, со слезами, и уверяла, будто ты ведешь переговоры с негроторговцем, и он предлагает тебе купить её мальчика, – чудачка, право!

– Гм! Она слышала? – проговорил мистер Шельби, возвращаясь к своим бумагам. Несколько секунд он был, по-видимому, совершенно поглощен ими, хотя не замечал, что держит письмо вверх ногами.

– Всё равно, она узнает, – говорил он сам себе, – лучше уж теперь, чем после.

– Я сказала Элизе, – проговорила миссис Шельби, продолжая расчесывать волосы, – что она просто глупа со своими страхами, что ты не ведешь никаких дел с негроторговцами. Я ведь очень хорошо знаю, что ты никогда не станешь продавать наших людей особенно такого рода господину.

– Да, Эмилия, – сказал её муж, – я всегда это чувствовал и говорил. Но дела мои теперь так запутались, что мне без этого не обойтись. Придется продать кого-нибудь из невольников.

– Этому человеку? Не может быть! Мистер Шельби, вы шутите!

– К сожалению, нет, – отвечал мистер Шельби. – Я согласился продать Тома.

– Как! нашего Тома? нашего доброго, преданного Тома, который верой и правдой служил тебе с самого детства! О, мистер Шельби! А ведь вы обещали мне отпустить его на волю, мы с вами сто раз говорили с ним об этом. После этого я всему могу поверить! Даже тому, что вы продали маленького Гарри, единственного ребенка Элизы! – сказала миссис Шельби, и в голосе её слышалось негодование, смешанное с грустью.

– Ну, уж если ты хочешь знать, так и это верно. Я согласился продать обоих их, и Тома, и Гарри; и я не знаю, почему ты меня считаешь каким-то чудовищем, когда я сделал то, что все делают каждый день.

– Но почему же ты выбрал именно этих? – спросила миссис Шельби. – Если тебе необходимо кого-нибудь продать зачем же. продавать их, а не кого-нибудь другого?

– Потому что за них дают дороже, чем за других, очень просто. Я мог бы продать Элизу, если хочешь, за нее торговец предлагал мне еще дороже, – отвечал мистер Шельби.

– Негодяй! – горячо вскричала миссис Шельби.

– Я не стал и слушать его, я знал, что это огорчит тебя, будь же снисходительнее ко мне.

– Друг мой, – сказала миссис Шельби, овладев собой, прости меня, я погорячилась. Я была поражена, я никак не ожидала этого; но позволь мне сказать несколько слов в защиту этих несчастных. Том благородный, преданный человек, хотя он и черный. Я уверена, Шельби, что в случае надобности он отдал бы жизнь за тебя.

– Я сам всё это отлично знаю. Но что же мне делать? Я не могу иначе выпутаться.

– Отчего же лучше не пожертвовать деньгами? Я готова ради этого сократить свои расходы. О, Шельби, я старалась, как христианка, всеми силами старалась исполнить свою обязанность относительно этих бедных, простодушных, подвластных нам созданий. Я целые годы заботилась о них, учила их, наблюдала за ними, узнавала их мелкие горести и радости. Как же я буду смотреть им в глаза, если мы, ради жалкой денежной выгоды, продадим такого верного, славного, такого доверчивого слугу, как бедный Том, и сразу отнимем у него всё, что мы научили его любить и ценить? Я объясняла им, что такое семейные обязанности взаимные обязанности родителей и детей, мужей и жен; а теперь я должна откровенно сознаться, что для нас не существует ни родственных связей, ни обязанностей, ничего святой, коль скоро дело идет о деньгах? Я часто говорила с Элизой об её мальчике, я объясняла ей, что, как мать – христианка,

она обязана заботиться о нём, молиться за него, и воспитать из него христианина; а теперь, что я ей скажу, если ты разлучишь его с нею, продашь его тело и душу неверующему, безнравственному человеку, только ради того, чтобы сохранить небольшую сумму денег? Я говорила ей, что одна человеческая душа стоит дороже, чем все деньги на свете; а как же она будет мне верить, когда увидит, что мы продаем её ребенка? Продаем его, быть может, на верную гибель и тела, и души!

– Мне очень жаль, Эмили, что ты так относишься к этому, очень жаль, – сказал мистер Шельби, – и я уважаю твои чувства, хотя не могу вполне разделять их; но, повторяю тебе самым решительным образом, теперь уже ничего нельзя переменить, я не могу иначе устроить своих дел. Я не хотел говорить тебе, Эмилия, но у меня нет другого исхода, как продать этих двух, или продать всё. Понимаешь? Или эти двое уйдут, или все. Моя закладная попала в руки Гэлея и, если я не расплачусь с ним теперь же, он всё заберет. Я копил, собирал по крохам, занимал, где мог, чуть не просил Христа ради, но для покрытия долга не хватало именно той суммы, какую он давал за этих двух, и мне пришлось отдать их – Гэлею понравился мальчик; он соглашался покончить дело только с этим условием, не иначе. Тебя так пугает, что я их продал, разве лучше было бы, если бы я продал всех?

Миссис Шельби стояла, как ошеломленная. Потом повернувшись к своему туалету, она закрыла лицо руками и тихо застонала.

– Проклятие Божие лежит на рабстве! Гадкое, гадкое проклятое учреждение! Проклятие для господина, проклятие и для раба! Я была безумна, когда воображала, что из такого страшного зла можно сделать что-нибудь хорошее! Это грех владеть хоть одним невольником при наших законах. Я всегда это думала, когда была девочкой, а особенно с тех пор как присоединилась к церкви, но я думала, что заботливостью, добротой ученьем я сделаю своих невольников более счастливыми, чем свободные люди. Какая я была глупая!

– Полно, жена, ты, кажется, становишься настоящей аболиционистской.

– Аболиционистской! Пусть бы они узнали о невольничестве всё, что я знаю, тогда бы они могли говорить! Им нечему учить нас. Ты знаешь, я никогда не считала, что рабство справедливо, никогда не хотела владеть рабами.

– Ну, в этом отношении ты расходишься со многими умными и благочестивыми людьми, – сказал мистер Шельби. – Помнишь, какую проповедь сказал мистер Б. в прошлое воскресенье?

– Я не хочу слушать таких проповедей! Я не хочу, чтобы мистер Б. еще раз говорил в нашей церкви. Священники не могут уничтожить зла, не могут устранить неправду, как и мы не можем, – но защищать их! – Это прямо бессмысленно. Да ты, кажется, и сам был не очень доволен этою проповедью?

– Да, сказал мистер Шельби, надо признаться, что наши священники иногда заходят дальше нас, бедных грешников. Мы светские люди, часто принуждены на многое закрывать глаза, и привыкаем к разным несправедливостям. Но нам совсем не нравится, когда женщины или священники судят о вещах так грубо и прямолинейно, когда они отстают от нас в скромности или нравственности, что правда, то правда. Ну а теперь, моя дорогая, надеюсь, ты поняла необходимость этой сделки и убедилась, что из двух зол я выбрал меньшее?

– Да, да! – торопливо ответила миссис Шельби и рассеянно вертела в руках свои золотые часы. – У меня нет никаких драгоценных вещей, – прибавила она задумчиво – но не пригодятся ли на что-нибудь эти часы? Они очень дорого стоили, когда я их купила. Если бы я могла спасти хоть Элизиного ребенка, я бы готова пожертвовать всем, что имею.

– Мне грустно, очень грустно, Эмили, что это так огорчает тебя, – сказал мистер Шельби, – но теперь ничего нельзя поделать. Дело покончено; купчие подписаны и отданы Гэлею; и ты должна радоваться, что не вышло хуже. Этот человек имел возможность разорить нас, а теперь мы от него избавились. Если бы ты его знала, как я знаю, ты поняла бы, что мы спаслись от больной беды.

– Он, значит, очень жестокий?

– Жестокий, нет, нельзя сказать, скорее твердый. Это человек, который живет только ради торговли и наживы; холодный, непреклонный ни перед чем не останавливающийся, как смерть. Он продал бы за хорошие деньги родную мать, при этом вовсе не желая ей зла.

– И этому негодяю принадлежит теперь наш добрый, верный Том и ребенок Элизы?

– Ну, полно же милая, мне это и самому тяжело, – лучше не думать об этом. Гэлей хочет поскорее покончить дела и завтра же вступить во владение людьми. Я велю оседлать себе лошадь и уеду с раннего утра. Я положительно не могу видеть Тома; да и тебе советую куда-нибудь уехать и взять с собой Элизу. Пусть ребенка увезут без неё.

– Нет, нет, – отвечала миссис Шельби, я ни в каком случае не хочу быть участницей или помощницей в этом жестоком деле. Я пойду к бедному Тому, помоги ему, господи, перенести его несчастье! Пусть они, по крайней мере, видят, что госпожа сочувствует им и горюет вместе с ними! А уж об Элизе я не могу и подумать. Господи, прости нас! Чем мы согрешили, что на нас обрушилось такое тяжелое горе!

Мистер и миссис Шельби не подозревали, что разговор их подслушан.

Рядом с их комнатой был большой чулан, дверь которого выходила в сени. Когда миссис Шельби отпустила Элизу спать, лихорадочно возбужденное воображение молодой женщины подсказало ей спрятаться в этом чулане. Она прильнула ухом к дверной щели и не пропустила ни слова из всего разговора.

Когда голоса умолкли, она встала и бесшумно вышла из чулана. Бледная, дрожащая, с застывшими чертами лица и стиснутыми губами она совсем не походила на то кроткое, робкое существо, каким была до тех пор. Она осторожно продалась по наружной галерее, остановилась на минуту около комнаты своей госпожи, подняла руки к небу с немой мольбой и затем проскользнула в свою собственную комнату. Это был хорошенький, уютный уголок в одном этаже с комнатой её госпожи, вот большое светлое окно, около которого она так часто сидела, распевая за работой; вот полочка с книгами и разными мелкими вещицами, – всё рождественские подарки, – вот шкаф и комоду где хранится её незатейливый гардероб, одним словом, здесь её дом, её собственный уголок, в котором ей в сущности, счастливо жилось до сих пор. Здесь на кровати лежал её спящий мальчик, длинные кудри его рассыпались по подушке, розовый: ротик был полуоткрыт, маленькие, толстенькие ручки разметались по одеяльцу. веселая улыбка освещала всё его личико.

– Бедный мальчик! мой бедный крошка! – сказала Элиза, тебя продали, но мать спасет тебя!

Ни одна слеза не упала на подушку спавшего. В такие минуты у сердца нет слез, оно молча истекает кровью. Она схватила кусок бумаги и быстро написала карандашом:

– Миссис! дорогая моя миссис! Не считайте меня неблагодарной, не думайте дурно обо мне, – я слышала всё, что вы с барином говорили сегодня вечером. Я хочу постараться снасти моего мальчика! Господь да благословит вас и да наградит за всю вашу доброту!

Быстро сложив и надписав это письмецо, она подошла к комоду, собрала и связала в узелок платье и белье малютки; узелок этот она крепко обвязала вокруг своей тальи. И даже в эту страшную минуту она не забыла сунуть в узелок две – три его любимых игрушечки, оставив ярко раскрашенного попугая, чтобы позабавить его, когда он проснется. Не скоро удалось разбудить заспавшегося ребенка, но, наконец, он сел и принялся играть с птичкой, пока мать его напевала шляпку и платок.

– Куда ты идешь, мама? – спросил он, когда она подошла к кровати с его маленьким пальтецом и шапочкой.

Мать нагнулась над ним и серьезно посмотрела ему прямо в глаза; ребенок сразу понял, что случилось что-то необыкновенное.

– Тише, Гарри, – сказала она, – не говори так громко, а то нас услышат. Приходил злой человек, он хочет отнять маленького Гарри от мамы и увезти его далеко, далеко, но мама не даст ему, она наденет своему мальчику пальтецо и шапочку и убежит с ним так, что злой человек не догонит их.

Говоря эти слова, она одела ребенка, взяла его на руки, шепнула ему, чтобы он сидел тихонько и, отворив дверь своей комнаты, которая вела на веранду, бесшумно выскользнула из дома.

Ночь была ясная, морозная, звездная. Мать плотно закутала ребенка своею шалью, а маленький Гарри совсем притих и в смутном страхе обвивал ручками её шею.

Старый Бруно, большой Ньюфаундленд, который спал у ворот, встал с легким ворчаньем при её приближении. Она тихонько назвала его по имени и пес, её

старый любимец и товарищ её детских игр, замахал хвостом, и готовился следовать за ней, хотя, очевидно, не мог решить в своей глупой собачьей голове, что означает такая странная ночная прогулка. Его, вероятно, тревожили мысли о неосторожности и неприличии такого поступка, так как он часто останавливался, задумчиво поглядывал то на продолжавшую двигаться вперед Элизу, то на дом, но затем, точно, будто успокоив себя размышлением, снова плелся за ней. Через несколько минут они подошли к хижине дяди Тома, и Элиза слегка постучала в окно.

Митинг и пение гимнов у дяди Тома продолжались до позднего вечера; после того дядя Том спел один несколько песен и потому, хотя уже был первый час ночи, но ни он ни жена его еще не спали.

– Господи помилуй! Что случилось! – вскричала тетушка Хлоя, вскакивая с места и торопливо отдергивая занавеску. – Да ведь это Лиззи. Оденься скорей, муж. И старый Бруно с нею. Что бы это значило? Я сейчас отворю дверь.

Дверь быстро открылась и свет сальной свечи, которую Том поспешил зажечь, упал на взволнованное лицо и мрачные, Шумные глаза беглянки.

– Господь с тобой, Лиззи! На тебя страшно глядеть! Ты заболела или что-нибудь случилось?

– Я хочу бежать, дядя Том, тетушка Хлоя, хочу унести своего ребенка. Господин продал его.

– Продал его! – повторили оба, в ужасе всплеснув руками.

– Да, продал, – сказала Элиза более твердым голосом. Я сегодня вечером пробралась в чулан подле комнаты миссис и я слышала, как господин говорил ей, что он продал моего Гарри и тебя также, дядя Том, одному торговцу, что он уедет верхом завтра рано утром, а торговец возьмет вас обоих.

Пока она говорила, Том стоял с поднятыми руками и широко раскрытыми глазами; ему казалось, что всё это сон. Когда, наконец, значение её слов постепенно выяснилось для него, он не сел, а упал на свой старый стул и опустил голову до самых колен.

– Боже милосердый! Сжалься над нами! – вскричала тетушка Хлоя. – Неужели это правда! Что же он такое сделал, за что господин продал его?

– Он ничего не сделал, это не оттого. Господин и сам не хотел продавать, а миссис, – сами знаете, какая она добрая, – я слышала, что она просила и за вас, и за нас, а он сказал, что ничего нельзя сделать, что он в долгу у этого торговца, что тот держит его в своих руках, и что, если он не рассчитается с ним, ему придется продать всё имение и всех людей и уехать отсюда. Да, я слышала, как он говорил, что другого исхода нет, надо продать или этих двух, или всех, так прижимает его этот торговец. Господин говорил, что ему очень грустно, а миссис, ах, как жаль, что вы ее не слыхали! Вот уже можно сказать настоящая христианка, настоящий ангел Божий. Я дурно делаю, что ухожу от неё. Но я не могу. Она сама говорила, что человеческая душа дороже всего на свете; а ведь у моего мальчика есть душа, и если я дам увезти его, кто знает, что с нею будет. Мне кажется, я поступаю. как следует, а если и нет, прости меня, Господи, но иначе я не могу!

– Послушай, старик – сказала тетушка Хлоя, – отчего бы и тебе не уйти? Неужели ты хочешь дождаться, чтобы тебя продали на юг, где негров морят тяжелой работой и голодом? Я бы скорее умерла, чем идти туда. Иди вместе с Лиззи, ты еще успеешь, у тебя ведь есть пропускной билет, тебе можно ездить, куда угодно. Ну, пошевеливайся, я сейчас соберу твои вещи.

Том медленно поднял голову, посмотрел грустно, но спокойно и сказал:

– Нет, нет, я не уйду. Пусть Элиза бежит, – это её право. Я не подумаю удерживать ее. Было бы неестественно, если бы она осталась; но ведь ты слышала, что она говорила. Если нужно продать меня, или продать всех людей и разорить имение, ну, что же, пусть продадут меня. Я могу перенести это не хуже всякого другого, – прибавил он, и не то рыданье, не то вздох судорожно потрясли его широкую, могучую грудь. – Масса всегда находил меня на моем месте и всегда найдет. Я никогда не обманывал его, никогда не употреблял во зло своего пропускного билета, и никогда не употреблю. Лучше мне одному уйти, чем всех продавать и разорять имение. Массу нечего упрекать, Хлоя; он позаботится о тебе и о бедных…

Он обернулся к грубой выдвижной кровати, на которой торчали курчавые головенки, и голос его оборвался. Он упал на спинку стула и закрыл лицо своими большими руками. Рыданья, тяжелые, хриплые, громкие рыдания трясли его

стул, и крупные слезы падали сквозь его пальцы на пол, точно такие же слезы, сэр, которые вы проливали над гробом вашего первенца, какие вы проливали, сударыня, когда слышали крик вашего умиравшего ребенка, такие же, потому что, сэр, он человек и вы также человек, и вы, сударыня, не смотря на ваше шелковое платье и ваши бриллианты, вы только женщина, и в тяжелые минуты жизни, перед лицом великого горя, вы чувствуете то же, что всякая другая женщина!

– Вот еще что, – сказала Элиза, стоя уже в дверях, – я видела мужа сегодня днем и не знала тогда, что случится. Его довели до последней крайности, и он сказал мне, что собирается бежать. Пожалуйста, постарайтесь, если возможно, сообщить ему обо мне. Скажите ему, что я ушла и почему ушла. Скажите ему, что я его люблю, и если мы никогда больше не увидимся, – она отвернулась от них на минуту и затем докончила хриплым голосом: – скажите ему, чтобы он постарался быть добрым и встретиться со мной в царствии небесном.

– Позовите Бруно, – прибавила она, – заприте за ним дверь; бедная собака! Пусть он не идет со мною.

Еще несколько последних слов и слез, несколько пожеланий, и Элиза, сжимая в объятиях удивленного и напуганного ребенка, бесшумно скрылась из виду.

Глава VI

Открытие

Взволнованные своим продолжительным разговором, мистер и миссис Шельби долго не могли уснуть в эту ночь и на следующее утро проснулись позже обыкновенного.

– Не понимаю, что это с Элизой, – сказала миссис Шельби, которая напрасно звонила несколько раз. Мистер Шельби стоял перед зеркалом и точил бритву. В эту минуту дверь открылась и вошел темнокожий мальчик с водою для бритья.

– Анди, – сказала ему госпожа – подойди к Элизиной двери, скажи, что я три раза звонила ее. Бедняжка! – прибавила она про себя со вздохом.

Анди скоро вернулся с широко раскрытыми от удивления глазами.

– Господи помилуй, миссис! У Лиззи все ящики выдвинуты и все вещи разбросаны! должно быть, она сбежала! Истина мелькнула, как молния, в уме мистера и миссис Шельби.

– Она наверно догадалась и ушла! – сказал он.

– Слава Богу, – вскричала она. – Надеюсь, что это так.

– Жена, ты говоришь глупости! Для меня будет страшно неприятно, если она в самом деле ушла. Гэлей видел, что мне очень не хотелось продавать ребенка, он подумает, что я помогал Элизе бежать. Это затрагивает мою честь! – И мистер Шельби поспешно вышел из комнаты.

С четверть часа в доме царила страшная суматоха. Люди бегали, кричали и хлопали дверьми, в разных местах собирались лица всевозможных оттенков черного цвета. Одно только существо, которое могло бы пролить сколько-нибудь света на это дело, главная повариха, тетушка Хлоя, упорно молчала. Не говоря ни слова, с мрачной тучей на своем, обыкновенно веселом, лице, она пекла сухари к завтраку, как будто не видела и не слышала всего, что происходило вокруг неё.

Очень скоро около дюжины негритят уселись, точно воронята, на перила веранда: каждый хотел первый сообщить чужому массе о его неудаче.

– Он прямо с ума сойдет, честное слово, – говорил Анди.

– Вот-то заругается! – вскричал маленький, черненький Джек.

– Да, он знатно умеет ругаться! – заявила курчавая Манди. – Я слышала, как он ругался вчера за обедом. Я всё слышала, что они говорили, я сидела в чулане, где миссис держит большие бутыли и слышала каждое слово. – И Манди, которая до сих пор думала о значении того, что слышала, не больше какого-

нибудь черного котенка, теперь принимала важный вид знающей особы и забывала рассказать, что, забравшись в чулан с бутылями, сна всё время преспокойно проспала там.

Как только появился Гэлей в высоких сапогах со шпорами, его со всех сторон приветствовали сообщением неприятной вести. Ребятишки не были разочарованы в своей надежде услышать его ругательства. Он так энергично выбранился, что они пришли в полный восторг, но при этом не забывали увертываться от ударов его хлыста. С громким криком они скатились с перил веранды на лужайку, где могли безнаказанно кувыркаться и орать.

– Ну, попадись вы мне, чертенята, – проговорил Гэлей сквозь зубы.

– А вот и не попались! – вскричал с торжеством Анди, делая отчаянную гримасу вслед несчастному торговцу, когда тот уже не мог его слышать.

– Однако же, Шельби, это очень странная история, – сказал Гэлей, входя в гостиную без всякого предупреждения. – Говорят, девка-то бежала и со своим детенышем.

– Мистер Гэлей, миссис Шельби здесь, – заметил мистер Шельби.

– Прошу извинить, сударыни, – сказал Гэлей, слегка кланяясь, по всё еще сильно хмурясь. – Но я опять-таки повторяю: до меня дошли странные слухи. Правда это?

– Сэр, – сказал мистер Шельби, если вы желаете разговаривать со мной, вы должны соблюдать приличия. Анди, возьми шляпу и хлыст мистера Гэлея. Садитесь, сэр. Да, сэр, я должен с сожалением сказать, что молодая женщина, вероятно, встревоженная какими-нибудь дошедшими до неё слухами, скрылась сегодня ночью и унесла своею ребенка.

– Признаюсь, я ожидал, что со мной будут вести дело на чистоту, – проговорил Гэлей.

– Позвольте, сэр, – вскричал, мистер Шельби круто поворачиваясь к нему, – что вы хотите сказать этим замечанием? Кто бы ни затронул мою честь, у меня

всегда один ответ.

Торговец струсил и, значительно сбавив тон, пробормотал, что, конечно неприятно, когда ведешь честный торг, и тебя вдруг одурачат…

– Мистер Гэлей, – сказал м. Шельби, – если бы я не понимал, что вы имеете право чувствовать неудовольствие, я не потерпел бы вашего грубого и бесцеремонного вторжения в мою гостиную. Предупреждай вас, что, хотя внешние обстоятельства и говорят против меня, я не допущу никаких подозрений и намеков, будто я принимал какое-нибудь участие в этом деле. Мало того, я считаю своею обязанностью оказать вам всякую помощь и лошадьми, и людьми и проч. для возвращения вашей собственности. Одним словом, Гэлей, – он быстро перешел от тона холодного достоинства, к своему обычному дону искреннего радушие, – самое лучшее для вас не волноваться и спокойно позавтракать; а затем мы посмотрим, что нам делать.

Миссис Шельби встала и извинилась, что не может завтракать с ними; она приказала почтенной на вид мулатке налить господам кофе и вышла из комнаты.

– Старая леди, кажется, очень не любит вашего покорного слугу, – сказал Гэлей, стараясь держать себя совершенно непринужденно.

– Я не привык, чтобы о моей жене говорили таким тоном, – сухо заметил мистер Шельби.

– Извините, пожалуйста, я просто пошутил, – сделанным смехом отвечал Гэлей.

– Шутка шутке рознь, бывают и неприятные.

– Однако он стал чертовски много позволять себе после того, как я подписал бумаги! – сказал сам себе Гэлей, – совсем важным барином стал со вчерашнего дня!

Никогда падение первого министра не вызывало такого волнения, какое вызвала весть о продаже Тома среди его товарищей. Все и всюду об этом толковали; и в доме, и в поле на все лады обсуждали возможные последствия этого события.

Бегство Элизы – происшествие беспримерное среди невольников имения, – тоже немало содействовало общему возбуждению умов.

«Черный Сэм», как его обыкновенно называли, потому что он был темнее всех остальных чернокожих имения, глубокомысленно обсуждал дело со всех сторон и во всех его последствиях, с такою дальновидностью и с таким пониманием собственных интересов, что это сделало бы честь любому белому политику в Вашингтоне.

– Плох тот ветер, который никому не надует добра, это уж верно, рассуждал Сэм, поддергивая свои панталоны и ловко заменяя длинным гвоздем недостающую пуговицу, изобретательность, которая привела его в восторг.

– Да, плох тот ветер, который никому добра не надует, – повторил он. – Ну, вот теперь Том пошел на дно, значит, место очистилось, и какой-нибудь негр может подняться вверх. А отчего бы не этот негр? Это было бы не дурно. Том разъезжал верхом повсюду в чищенных сапогах, с пропускным билетом в кармане, что твой важный барин. Отчего же Сэм не может разъезжать точно также, хотел бы я знать?

– Эй, Сэм! Сэм! масса велел тебе оседлать Билли и Джерри. – прокричал Анди, прерывая его беседу.

– Ну, что там еще случилось, мальчуган?

– Эх ты! неужели же ты не знаешь, что Лиззи удрала и утащила своего мальчишку.

– Ишь ты! яйца учат курицу! Да я это знал гораздо раньше тебя. Небось, мне такие дела хорошо известны!

– Ну, всё равно! А только масса велел поскорей оседлать Билли и Джерри. Мы с тобой поедем вместе с массой Гэлеем искать ее.

– А, это отлично! пришло мое время! Когда придет нужда, зовут не другого кого, а Сэма. Значит, он и есть тот негр. Я ее поймаю, это уже верно. Масса увидит, на что способен Сэм.

– Эх, Сэм, заметил Анди, ты прежде подумай, а потом говори; ведь миссис-то совсем не хочет, чтобы Лиззи поймали. Тебе от неё достанется.

– Как! – вскричал Сэм, тараща глаза. – Почему ты это знаешь?

– Слышал собственными ушами, как она это говорила сегодня утром, когда я принес массе воду для бритья. Она послала меня посмотреть, отчего Лиззи не идет одевать ее, а когда я ей сказал, что Лиззи ушла, она вскочила и говорит: «Слава тебе, Господи!» А масса был точно помешанный, говорит: «жена, ты говоришь глупости!» Но это не беда, она его повернет на свой лад, у них это всегда так бывает, гораздо выгоднее быть на стороне госпожи, поверь моему слову!

Черный Сэм почесал свою кудластую голову, не заключавшую в себе очень глубокой мудрости но зато опадавшую способностью, которая в большом спросе среди политиков всех стран и всякого цвета кожи, способностью знать, где зимуют раки, как говорится в просторечии. Поэтому он прервал свои рассуждения и опять поддернул панталоны, что он делал всегда, когда ему приходилось раздумывать над каким-нибудь трудным вопросом.

– Да, надо правду сказать в этом мире ни о чём нельзя говорить наверно, – промолвил он наконец.

Сэм рассуждал, как философ, и сделал ударение на слове «этом», как будто он видал много различных миров и свое заключение вывел на основании опыта.

– А я-то думала, что миссис перевернет весь света, чтобы вернуть Лиззи, – прибавил он задумчиво.

– Да и перевернула бы? – отвечал Анди; – но неужели ты не понимаешь черномазая голова? Миссис не хочет, чтобы этот масса Гэлей увез Лиззиного мальчика, вот в чём штука.

– Так! – проговорил Сэм с непередаваемой интонацией, которую могут знать только слышавшие разговор негров.

– И вот что я тебе еще скажу, – заметил Анди, – поторапливайся-ка ты, иди за лошадьми, вон миссис зовет тебя, я слышу; полно тебе стоять тут да валять дурака.

После этого Сэм, действительно, начал поторапливаться, и через несколько минут торжественно подскакал к дому на одной из лошадей, держа другую в поводу, соскочил на землю, прежде чем они остановились, и с быстротой вихря подвел их к месту стоянки лошадей. Лошадь Гэлея, пугливый, молодой жеребчик, заржала, стала лягаться и сильно натягивать поводья.

– О-го-го! – сказал Сэм, – ты, кажется, пуглива? – Черное лицо его осветилось странной лукавой улыбкой. – Постой-ка, я тебя успокою!

Лошади стояли под тенью развесистого бука и вокруг по земле валялось множество мелких, острых треугольных буковых орешков. Сэм поднял один из этих орешков и подошел с ним к жеребчику. Он стал гладить и ласкать лошадь, стараясь, по-видимому, успокоить ее. Как будто желая поправить седло, оп ловко подсунул под него острый маленький орешек таким образом, что малейшее давление на седло должно было страшно раздражать нервное животное, не оставляя на коже его никаких царапин или ранок.

– Так – сказал он сам себе, одобрительно ворочая белками глаз и скаля зубы, – дело налажено!

В эту минуту миссис Шельби вышла на балкон и подозвала его. Сэм подошел, с твердым намерением подделаться к барыне, не хуже любого кандидата на вакантное место в Сен-Джемском дворце или в Вашингтоне.

– Что ты так копался, Сэм? Я посылала Анди поторопить тебя.

– Господи помилуй, миссис! – отвечал Сэм- лошадей не поймаешь в одну минуту! Они забежали чуть не на южное пастбище, Бог их знает куда!

– Сэм, сколько раз я тебе говорила, что не слезет употреблять таких выражений как: «Господи, помилуй»; «Бог знает»; это грешно.

– О, Господи, спаси мою душу! Я помню ваши слова, миссис, я больше не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Машина такого рода была, действительно, изобретена одним молодым чернокожим в Кентукки.

Купить: https://tellnovel.com/garriet-bicher-stou/hizhina-dyadi-toma-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити